

УДК 93/94: 94(47)
084.1+"1917.05.1-11"

Первый Всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие

Д. М. Усманова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The First All-Russian Muslim Congress of 1917: a view through the century

D. M. Usmanova,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению деятельности Первого всероссийского мусульманского съезда, собравшегося в Москве 1 мая 1917 г. Будучи самым многочисленным, представительным и репрезентативным, московский съезд стал важнейшим этапом в развитии общественной и национальной жизни мусульманских народов бывшей Российской империи. Созванный вскоре после смены власти и начала процесса капитальной трансформации общественных отношений, съезд должен был выработать общее мнение представителей различных мусульманских регионов страны (Идель-Урал, Туркестан, Кавказ и Крым) по актуальным вопросам переустройства страны. Подготовка, ход дискуссий, а также итоговые решения съезда в статье освещаются на основе материалов татарской прессы и аутентичных протоколов, в которых максимально полно собраны все стенограммы и документы Московского съезда. Несмотря на стремление организаторов съезда достичь компромисса по наиболее спорным проблемам, съезд отчетливо продемонстрировал наличие конфликтных интересов и различных устремлений, а также намечающийся разлом по региональному, социальному и этническому признакам, поставивший под вопрос возможность формирования единого общемусульманского движения, а также жизнеспособность проекта «мусульманской нации».

Abstract

The article considers the activity of the First All-Russian Muslim Congress held in Moscow on May 1-11, 1917. Being the most attended and represented one, the Moscow Congress became a significant development stage in the public and national life of the Muslim peoples of the former Russian Empire. Convened soon after the change of government and start of the fundamental transformation process of social relations, the Congress was to develop a common opinion among the representatives of the various Muslim regions of the country (Idel-Ural, Turkestan, the Caucasus, and the Crimea) in terms of the urgent issues of the country's reorganization. The preparations for the Congress, the course of its

discussions, and its final resolutions are described in the article based on the materials from the Tatar press and authentic minutes containing all possible verbatim records and documents of the Moscow Congress. Despite the efforts of the organizers of the Congress to reach a compromise on the most controversial issues, the Congress distinctly revealed the existence of conflicting interests and different intentions, as well as an upcoming regional, social, and ethnic discord that challenged the possibility of formation of the common All-Muslim movement and the feasibility of the “Muslim nation” project.

Ключевые слова

Всероссийские мусульманские съезды, Москва, протоколы съезда, татарская периодическая печать, дебаты, резолюции съезда.

Keywords

All-Russian Muslim Congresses, Moscow, minutes of the Congress, Tatar periodicals, debate, Congress resolutions.

На протяжении почти полутора лет – с марта 1917 до начала лета 1918 г. – в России прошла целая череда съездов – от локальных или узко профессиональных до региональных и даже общероссийских. Всероссийские мусульманские съезды – это серия общественно-политических съездов с участием представителей мусульманского населения большинства или ряда регионов бывшей Российской империи, организованных с целью обсуждения насущных актуальных проблем в свете грядущих преобразований страны. За указанный период состоялось, по меньшей мере, пять подобных мероприятий, получивших название «всероссийских»: два общемусульманских (в Москве и Казани, в мае и июле 1917 г., соответственно), два съезда воинов-мусульман (оба в Казани: в июне 1917 г. и в феврале 1918 гг.) и Всероссийский съезд мусульманского духовенства (июль 1917 г., Казань). Из всех этих мероприятий на статус «всероссийского» с полным основанием мог претендовать именно первый форум, о котором пойдет речь в данной статье.

Проводимые после Февральской революции 1917 г. всероссийские мусульманские съезды продолжали традицию аналогичных мероприятий дореволюционного периода. Однако они имели определенную специфику, в силу революционных преобразований, ликвидации формальных и реальных ограничений со стороны государства, а также остроты обсуждаемых вопросов. Традиционно, в литературе они имеют самостоятельную нумерацию.

Было бы легкомысленно утверждать, что литература о данном форуме недостаточно обширна или страдает серьезными искажениями. Тем не менее, обзор историографии проблемы, созданной за прошедшие сто лет, показывает наличие в ней определенных доминант. Московский съезд довольно подробно отражен в поздней эмигрантской (или «условно-эмигрантской») историографии, продолжавшей традицию дореволюционной историографии, как важнейший этап в развитии общественной и национальной жизни мусульманских народов. Важнейшие для данной темы зарубежные публикации принадлежали перу ученых татарского происхождения (монографии Т. Давлетшина или Н. Девлета, статья Ш. Даулет) и вплоть до распада СССР были слабо инкорпорированы в отечественную историографию вопроса¹. Только переиздание двух упомянутых монографий в Казани, на волне растущего интереса к истории национального движения, немного изменило ситуацию.

В отечественной историографии значительный интерес и внимание к работе и решениям мусульманских съездов 1917 г. также приходится на перестроечный

и постсоветский периоды. В последние три десятилетия появилось значительное количество работ, в которых московский форум зачастую рассматривается как одно из проявлений национального и общественно-политического движения мусульманского населения бывшей империи². Но такая литература останавливалась лишь на общей и поверхностной характеристике этого мероприятия и пересказе итоговых резолюций, упуская важные нюансы его подготовки и хода работы. Отчасти это связано с избранной источниковой базой. В ряде статей более подробно рассматривались отдельные аспекты в его деятельности и итоговых решениях: преимущественно вопрос о государственном устройстве³ и женский вопрос⁴.

В данной статье более подробный обзор подготовки, работы и решений московского съезда дается с опорой на материалы стенографических «Протоколов», а также многочисленные свидетельства татароязычной прессы того времени, позволяющей проследить наличие разных позиций и столкновения мнений внутри татарского общества.

Московский съезд в свете общественного внимания: специфика и проблемы источниковой базы

Все наиболее важные мероприятия национальной жизни 1917 г. отражены в источниках с разной степенью репрезентативности. Смена власти и трансформация государственных институтов на протяжении 1917 г. лишили историков такого рода документов, как жандармские наблюдения и донесения. Таким образом, «государственный» взгляд на проблему может быть реконструирован лишь по косвенным данным. Например, мусульманский съезд от имени Временного правительства поприветствовал глава Департамента инославных и иноверных исповеданий профессор С. А. Котляревский, заявивший о полной готовности властей удовлетворить законные нужды мусульманского населения⁵. Речь представителя новой власти носила очевидно примирительный характер: оратор призвал мусульман оставить позади все старые обиды и продвигаться вперед. Примечательно, что если другие приветственные выступления были заслушаны весьма благосклонно и без комментариев, то за речью С. А. Котляревского последовали вопросы, призванные разъяснить позицию правительства более подробно и однозначно, что символизировало новый этап в отношениях мусульманской общественности с властью.

Безусловно, важнейшие документы, характеризующие события весны 1917 г., исходили от самих мусульман. По решению «Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета» (Икомус) все заседания съезда стенографировались как на татарском, так и на русском языке, а затем были опубликованы на татарском языке в виде относительно полных протоколов («Бөтен Русия мөселманларның 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездинң протоколлары», далее – Протоколы...). Работа над составлением и редактированием полного текста протоколов в целом была завершена в августе 1917 г. Однако издательско-типографские дела затянулись до мая 1918 г., когда был отпечатан тираж⁶. В статье, написанной к 20-летию юбилею съезда, Гаяз Исхаки утверждал, что практически весь 10-тысячный тираж, появившийся весной 1918 г., был изъят и уничтожен по распоряжению руководства «Мусульманского комиссариата» в лице Г. Ибрагимова, М. Вахитова и Ш. Маннатов⁷. Очевидно, большая часть тиража погибла или была сознательно уничтожена, поэтому издание отсутствует даже в крупных российских библиотеках. В итоге, было сохранено лишь 10 экземпляров «Протоколов», из которых Г. Исхаки было известно о нахождении двух

экземпляров. Так или иначе, в настоящее время эта арабографическая стенограмма съезда, являясь библиографической редкостью, не только не переиздана в современной графике, но и мало востребована современными исследователями⁸.

Как уже отмечалось, итоговую версию татарской стенограммы съезда к публикации подготовил К. Сагитов (поначалу, до отъезда из Петрограда, ему немного помогал Ш. Мухамедьяров). В послесловии К. Сагитов отметил, что им были приведены в порядок все стенограммы выступлений, тексты докладов и решений, переданных для публикации. Конечно, данные «Протоколы» лишь условно являются полными. Из «Протоколов» «выпала» часть русскоязычных докладов, которые не были зафиксированы стенографами выступлений, а также тех, которые не были присланы самими докладчиками в «авторской версии». Такая судьба постигла, например, доклад А.-Х. Максуди (с анализом 200 наказов, привезенных делегатами или посланных мусульманским населением из разных регионов страны); русскоязычный доклад М. Гаджиева по рабочему вопросу; русскую версию доклада полковника Галиева по военному вопросу и др.⁹ В ряде случаев ораторы присылали тексты своих выступлений позднее (доклады А.-З. Валиди, К. Тарджемани), или же тексты выступлений брались из газетных публикаций (выступление З. Кадыри

Протоколы 1-го
Всероссийского
мусульманского съезда.

*The minutes of the First All-
Russian Muslim Congress.*

при обсуждении вопроса о просвещении¹⁰). Поэтому в протоколах нередко публиковались не сколько стенограммы выступлений, сколько более поздние авторские «версии», вполне возможно скорректированные, с учетом времени и обстоятельств. Помимо этого, в протоколах есть пробелы, поскольку стенографы не успевали фиксировать все выступления, а порой оставляли анонимными реплики из зала. Впрочем, такими же недостатками грешили Стенографические отчеты Государственной думы Российской империи, при том, что российский парламент обладал куда более значительным штатом стенографистов. Пробелы в стенограмме, неточные переводы и утерянные тексты ряда выступлений – лишь часть проблемы. Из-за того, что некоторые заявления и протесты были написаны небрежно или даже безграмотно, в стенограмме было невозможно адекватно воспроизвести значительную часть имен людей, подписавших тот или иной протест¹¹.

Несмотря на все отмеченные недостатки, «Протоколы» московского съезда представляют собой довольно цельный и ценный источник, позволяющий восстановить картину происходящего в максимально возможной полноте. Другие мусульманские съезды вообще не имеют стенографических записей, а потому представлены лишь позднейшими описаниями и пересказами в прессе, которые в большей степени имеют налет субъективности.

Примечательно, что на К. Сагитова были возложены также обязанности по подготовке к печати полной стенограммы 2-го Всероссийского мусульманского съезда (Казань, июль 1917 г.). И хотя такая стенограмма была им подготовлена и передана в Исполнительный комитет мусульманского совета (Икомус), полные протоколы летнего съезда так и не увидели свет. Можно предположить, что этот документ находился в архиве Икомуса и мог погибнуть, как и многие другие документы той эпохи. Или же был сознательно уничтожен по распоряжению членов «Мусульманского комиссариата», как и упомянутый тираж «Протоколов». Поэтому работу последующих мусульманских съездов историки анализируют в основном по газетным заметкам и итоговым резолюциям, а отнюдь не по стенограммам. В силу этих обстоятельств, протоколы московского съезда обладают определенной исторической уникальностью.

Поскольку значительная часть докладов была подготовлена и прочитана на русском языке, вероятно, планировали издать и русскую версию материалов съезда¹². Впрочем, этот проект не был осуществлен в полной мере. Помимо протоколов, на татарском и русском языках были опубликованы лишь итоговые резолюции съезда в виде отдельных небольших брошюр¹³. Подобная многочисленная научно-популярная литература наводнила в 1917 г. российский медийный рынок и была ориентирована на непритязательного читателя, желающего иметь общее представление об итоговых решениях съезда.

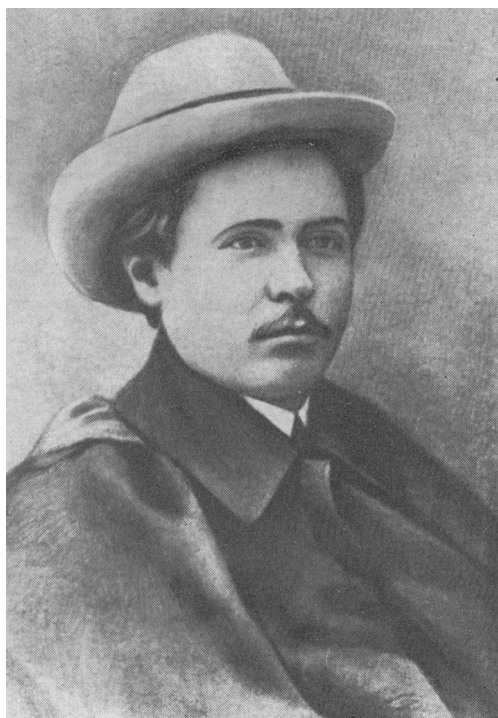
Среди наиболее важных источников, позволяющих реконструировать работу московского съезда – «мусульманская» периодическая печать (преимущественно татароязычная) и не очень многочисленная мемуарная литература. Работу съезда освещали все татароязычные периодические издания, но главную роль играла московская газета «Иль», редактируемая Г. Исхаки. Накануне, в дни работы съезда, а также после его завершения, газета давала подробные отчеты о всех его заседаниях и решениях. Ход работы съезда ежедневно освещали Ш. Алкин и К. Сагитов. Поэтому их корреспонденции коррелируются с материалами «Протоколов», которые ими же чуть позднее были подготовлены к печати. Автором «передовиц» выступал главный редактор газеты Г. Исхаки. Также в газете публиковали обзорные

статьи Н. Гасрый и другие популярные журналисты. Очевидно, газета отражала их идейную позицию по освещаемым вопросам. Провинциальные татарские издания, не имевшие возможности держать на съезде собственных корреспондентов, ссылались на сообщения московского издания.

Ряд ведущих региональных изданий были представлены на съезде своими журналистами или даже главными редакторами: делегатами съезда были З. Кадыри (уфимская «Тормыш»), Ф. Карими (оренбургская «Вақыт»), А.-Х. Максуди (казанская «Юлдуз»), Ш. Ахмадеев (казанская «Аваз»), Г. Ибрагимов (уфимская «Ирек») и др. Также присутствовали корреспонденты газет «Кояш» (Казань) и «Алаш»¹⁴ (Оренбург), журналов «Ан» и «Кармак» и др. Естественно, эти издания в той или иной мере отражали работу съезда преимущественно в политическом ключе, присущем данному изданию. Например, газеты «Аваз» и «Ирек» ориентировались на Партию социалистов-революционеров и явно демонстрировали

Итоговые резолюции московского съезда.
The final resolutions of the Moscow Congress.

Г. Ибрагимов.
G. Ibragimov.

Г. Исхаки и А. Хасани.
G. Iskhaki and A. Khasani.

классовую позицию. Главный редактор последнего издания постоянно оппонировал редактору московской газеты, в чем просматривается личное соперничество двух литераторов (Г. Ибрагимов против Г. Исхаки), имевших огромные амбиции на общественном поприще.

Однако московская «Иль» имела территориальное преимущество, а потому была оперативнее в подаче материала, в то время как другие издания были вынуждены реагировать с большим запозданием. Например, отчет Г. Ибрагимова о заседании съезда по вопросу о государственном устройстве (заседание от 7 мая) прибыл в Уфу, вероятно в силу почтовой неразберихи, позже своего автора и был опубликован лишь 25 мая¹⁵. В условиях смены событий с калейдоскопической скоростью это было большим минусом. После возвращения по домам некоторые делегаты поместили в «своих» изданиях более-менее подробные отчеты о работе съезда: Н. Хальфин в «Кояш»¹⁶, Г. Исхаки в «Иль»¹⁷, И. Алкин в «Безнең тавыш»¹⁸, З. Кадыри в «Тормыш»¹⁹ и пр.

Из русскоязычных периодических изданий наиболее полно работу съезда освещала московская газета «Утро России»²⁰. Помимо этого, на первом заседании съезда присутствовали корреспонденты иностранных изданий (лондонской «Таймс», американских, польских, литовского и ряда других изданий). Впрочем, по обычаю, иноязычная и иностранная пресса ограничилась дежурными репортажами о первом дне заседаний съезда, наполненного приветствиями и поздравлениями. Содержательная сторона работы форума осталась преимущественно вне внимания этих изданий. Организаторов съезда явно не удовлетворяло незначительное, на их взгляд, внимание русскоязычных изданий к работе мусульманского форума²¹. Впрочем, эти сетования мусульманских деятелей на недостаточное

внимание к своим нуждам и проблемам со стороны российской демократии были обычным делом на протяжении всего 1917 г. Этот дефицит внимания российской демократии руководители мусульманских организаций пытались компенсировать изданием «Известий Всероссийского мусульманского совета» на русском языке²².

Газетные материалы, в отличие от протоколов, дают возможность заглянуть «за кулисы», почувствовать атмосферу, выйти за рамки официальных выступлений, а также узнать о событиях и столкновениях позиций, не отраженных в официальных документах съезда. В то же время, персональная предвзятость отдельных политиков и партийная тенденциозность различных изданий не позволяют всецело доверять газетным сообщениям.

Что касается мемуарной литературы, то ее немного, поскольку в эмиграции оказалось не так много видных участников этого форума (из 12 членов президиума – только пятеро). Большая часть делегатов остались на родине, позднее сложив головы в период сталинских репрессий: репрессированы были, по меньшей мере, шестеро из 12 членов президиума. Поэтому мало кто мог в 1920-1940-х гг. отважиться писать мемуары о своем «буржуазном прошлом».

Журнал «Яңа милли юл»
(1937, № 5) со статьей
Г. Исхаки.

“Yana milli yol” journal
(1937, no. 5) with
G. Iskhaki’s article.

Из активных участников съезда, оказавшихся в эмиграции, продолживших там свою общественную и публичную деятельность, в первую очередь, следует отметить Г. Исхаки и А.-З. Валиди. Классик татарской литературы опубликовал в своем журнале «Яңа милли юл» большую юбилейную статью, приуроченную к 20-летию этого форума²³. Примечательно, что обзор работы съезда он начал именно с «женского вопроса». С точки зрения автора (очень распространенной среди демократов в 1917 г.), участие мусульманских женщин в будущих выборах имело судьбоносный характер для будущего мусульманских народов, а раскол, который произошел при его обсуждении, заложил основу «глубочайшей трещины» между разными мусульманскими регионами. Вторая часть статьи была посвящена рассмотрению съездом проблемы автономии, а также выборам в «Милли шуро». Но для Г. Исхаки события лета-осени 1917 г., особенно провозглашение штата «Идель-Урал», имели более важное значение и чаще становились предметом воспоминаний и рефлексий.

Его молодой современник и политический оппонент А.-З. Валиди, проживший дольше других и переживший многих своих соперников, оставил довольно подробное описание своей политической и научной карьеры²⁴. Но и для него московский съезд был оттеснен последующими «политическими битвами» за башкирскую автономию, а также стремлением доказать свои притязания на руководство в туркестанском движении. Еще один член президиума, лидер крымско-татарского движения Дж. Сейдамет, хотя и довел их до 1918 г., не успел завершить свои воспоминания. Отрывки из этих воспоминаний были опубликованы на турецком языке в 1961-1967 гг., уже после его смерти. В 1993 г. они были изданы отдельной книгой²⁵, а в 2009-2010 гг., наконец, переизданы на родине в Крыму на русском языке. В этих воспоминаниях есть отдельные, но довольно лаконичные сюжеты, связанные с работой московского съезда.

Ряд мусульманских деятелей, ставших в эмиграции видными персонами, не имели личного опыта работы в этом форуме (С. Максуди, М. Чокаев) или же не оставили подробных и цельных мемуаров (А.-М.-бек Топчибашев). Следует сказать, что для многих окраинных мусульман (туркестанцы, кавказцы) опыт создания собственной национальной автономии или государственности был более важным, нежели эпизод в общемусульманском движении. В силу этих причин, московский съезд не так богат на мемуарную литературу.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство: несмотря на осознание и постоянное артикулирование руководителями данного форума его значимости и историчности, до нас не дошло никаких свидетельств визуального характера. Нет ни общих фотографий делегатов съезда, ни сообщений о фотографировании отдельных его участников или отдельных заседаний. Такое игнорирование форума фотографами удивительно, учитывая, что к 1917 г. значимость фотосвидетельств осознается многими политиками или медийными лицами.

1-й Всероссийский мусульманский съезд: исторический контекст и выборы делегатов

Первый Всероссийский мусульманский съезд состоялся в г. Москве с 1 по 11 мая 1917 г. Инициатива проведения общероссийского мероприятия была сформулирована группой мусульманских общественных деятелей, образовавших в начале марта 1917 г. в Петрограде «Временное центральное бюро российских мусульман» во главе с Ахмед-беком Цаликовым. В марте в прессе было обнародовано «Воззвание» с призывом к единству всех мусульман и предложением созвать первый после революции мусульманский съезд для рассмотрения актуальных проблем.

Вскоре после принятия этого решения, в печати и на собраниях разгорелась дискуссия о месте проведения общемусульманского форума. Обсуждались такие города, как Петроград, Казань (на этом настаивала татарская молодежь, группировавшаяся вокруг «Татар учагы»), Уфа (предложение С. Максуди)²⁶, Оренбург, Баку или Москва. В пользу Москвы сыграли такие факторы, как удобство расположения, с точки зрения имперской географии, и разветвленная транспортная сеть, позволяющая прибыть окраинным мусульманам. Наконец, определенную роль сыграло наличие в Москве здания, способного вместить значительное количество делегатов. Поэтому резиденцией для общемусульманского съезда был выбран дом Шамси Асадуллаева. В недавно отстроенном (1913-1914 гг.) просторном здании располагалась мусульманская школа, а также ряд мусульманских общественных организаций. В середине апреля члены бюро переехали в Москву для непосредственной подготовки съезда.

Московский съезд должен был определить доминирующие настроения мусульманской общественности²⁷, выявить позиции по наиболее важным актуальным вопросам. В конечном счете, планировалось сплотить «мусульманский народ» и сформировать, на основе общих интересов и целей, единое национальное движение. Важно, что майский съезд стал первым общим форумом, проходившим в условиях «тотальной свободы» и общественного подъема. Такого уникального сочетания обстоятельств больше не будет. Уже с середины лета 1917 г. ситуация изменится в неблагоприятном для национальных движений отношении.

Выборы делегатов будущего общероссийского съезда прошли в середине – второй половине апреля. Делегаты съезда могли выбираться на собраниях многочисленных национальных организаций (мусульманских комитетов, благотворительных обществ, гражданских комитетов и пр.); населением отдельных селений, волостей или даже уездов (многие сельские имамы были избраны именно из сельской местности); войсковыми комитетами как в действующей армии, так и в тылу; на общих региональных и профессиональных съездах (мусульманских учителей, воинов-мусульман, женских и пр.), которые прошли практически в большинстве мусульманских регионов страны. Поскольку московский съезд был общественным мероприятием общенационального уровня, избрание делегатов не было ограничено какими-либо строгими правовыми рамками. Существенным ограничением могли выступать лишь финансовые возможности общественных организаций, поскольку расходы на дорогу, в основном, компенсировались той организацией, от имени которой был избран делегат. Основные же финансовые расходы по проведению съезда и содержанию прибывших делегатов взяло на себя бюро.

Конечно, такой принцип отбора делегатов не давал полностью репрезентативную картину «мусульманского мира», а также предполагал попадание на форум случайных людей (что открывало, по словам Г. Исхаки, дорогу для многочисленных демагогов). В то же время, практически все персоны, более-менее влиятельные в национальном движении и активные в общественных делах, имели шанс попасть на этот форум, весьма престижный с общественной точки зрения. В итоге, такая «искаженная» процедура привела к явному доминированию среди делегатов представителей национальной интеллигенции (учителей), а также духовных лиц (в работе съезда участвовало более 300 имамов). Особенно часто имамов посылало сельское население. Несмотря на первоначальные опасения²⁸, женское представительство оказалось значительным: более 110 делегатов, преимущественно молодые образованные татарки.

Одновременно, сравнительно мало были представлены основные слои «трудящегося» населения²⁹, что вызывало недовольство социалистов.

Первоначальное ориентировочное число в 500 делегатов очень быстро было превышено и причем существенно: уже к 29 апреля в город прибыло 326 делегатов. Во время ознакомительного заседания (30 апреля) присутствовало 700 делегатов, а на первом официальном заседании – уже 770 человек³⁰. В итоге, в работе московского съезда приняло участие около 900 делегатов из почти всех возможных уголков бывшей Российской империи³¹. Конечно, это создало определенные проблемы, поскольку организаторы съезда подготовили и зал заседаний, и жилье для делегатов, и еду на меньшее число, нежели в итоге понадобилось. Поэтому некоторые организационные проблемы в его работе были неизбежны. К тому же, из-за большого объема проблем и острых затяжных дебатов по ряду вопросов, работа съезда затянулась на 11 дней вместо изначально планируемых 8 дней. Это тоже приводило к дополнительным расходам. В целом, в течение 11 дней было проведено 10 общих заседаний, один день (5 мая) был полностью отведен на работу комиссий.

Вероятно, ближе к концу работы форума, в Москве осталось чуть более 2/3 от общего числа делегатов. В частности, 11 мая в выборах десяти членов «Милли Шуро» принимали участие 400-420 человек, т. е. в основном татаро-башкирские делегаты от населения Идель-Урала, тогда как мусульмане Туркестана и Степного края решили определить своих кандидатов на областных съездах. В голосовании по кандидатуре муфтия ДУМ (бывшего ОМДС) приняли участие от 480 до 580 человек. Таким образом, если исключить туркестанских и кавказских мусульман, то из Европейской части страны и Сибири прибыло около 500-550 делегатов, что составляло не менее 60-65 % от общего числа делегатов³².

Если обратиться к персональному составу делегатов, то следует сказать, что почти все общественные деятели, получившие известность еще в имперский период – мусульманские депутаты Государственной думы, руководители и лидеры благотворительных и иных мусульманских организаций, представители национальной интеллигенции и ведущие татарские журналисты, наиболее авторитетные духовные лица и пр. – были представлены на данном форуме. Хотя были и определенные весьма говорящие исключения. Например, за пределами съезда оказались многие мусульманские политики и лидеры мусульманской фракции Государственной думы (Г. Еникеев, К.-М. Тевкелев), ряд видных духовных лиц (Г. Баруди³³). От участия в данном форуме отказался Р. Фахретдин, который на протяжении 1917-1918 гг. вообще дистанцировался от политической активности. Свои объяснения были и в нелогичном, на первый взгляд, отсутствии на форуме одного из ведущих мусульманских политиков – С. Максуди, находившегося в это время в Туркестане. Причиной этому стало то, что в конце марта С. Максуди неосторожно посетил съезд Партии народной свободы, а также поприветствовал его от имени «мусульманской партии». Эта публичная акция произошла на фоне стремительного падения авторитета кадетов в мусульманской среде (вследствие их буржуазности и ярко выраженной антитурецкой позиции в вопросе о проливах). Разгорелся скандал с публичным осуждением мусульманина-кадета³⁴, протестами в печати. Протест «Временного центрального бюро российских мусульман» был подписан большинством его членов, подписали: А. Цаликов, З. Шамиль, И. Леманов, М. Бигиев и Ш. Мухамедьяров (Пг.), А.-З. Валиди и С.-Г. Джантюрин (Уфа), С.-Г. Алкин (Казань), К. Хасанов и Б. Шараф (Оренбург), А. Сутушев (Ташкент), М.-Г. Наджип (Троицк), М. Кипчакский, Х.-С. Айвазов и И. Баданинский (Крым),

В.-А. Хахимов (Хельсинки)³⁵. Примечательно, что только трое – К.-М. Тевкелев, Г. Еникеев и А. Букейханов – отказались присоединиться к этому протесту. Причем все трое – бывшие депутаты Государственной думы (как и С. Максуди), а также последовательные сторонники общероссийской либеральной Партии народной свободы (кадеты).

В итоге, С. Максуди пришлось объясняться публично: появившееся в газете «Вақыт» письмо с пояснениями было перепечатано в ряде ведущих татарских газет³⁶. Вероятнее всего, в ближайшем окружении политика было принято компромиссное решение, и С. Максуди в составе делегации Временного правительства отправился в Туркестан, что позволило немного снизить накал общественного протеста на время работы московского съезда. Но едва ли пребывание за тысячи километров от эпицентра «мусульманской жизни» могло устраивать амбициозного политика. О том, что отсутствие было вынужденным свидетельствовал тот факт, что первоначально именно на него была возложена обязанность подготовить к съезду доклад о культурно-национальном самоопределении мусульман³⁷.

Возможно, вся эта коллизия стоила ему также столь желаемой должности главы ЦДУМа – известно, что с 1915 г. С. Максуди был необычайно активен в этом вопросе и рассматривал должность муфтия как одну из наиболее перспективных траекторий своей политической карьеры³⁸. После возвращения из своей «туркестанской ссылки»³⁹ в Москву (конец июня 1917 г.) С. Максуди сосредоточил свои основные усилия на создании национальных структур и проведении казанских съездов.

Порядок заседаний, дискутируемые проблемы и принятые решения московского съезда

Еще накануне официального открытия съезда, 30 апреля состоялось ознакомительное заседание, на котором была озвучена программа съезда, разгорелись споры о принципах комплектации и о персональном составе президиума (не по классовой принадлежности, а исходя из «работоспособности»). Бюро предложило несколько вариантов, с тем, чтобы адекватно отразить различные регионы и социально-профессиональные группы. Хотя споры разгорелись жаркие, в итоге был принят компромиссный вариант. Предварительное ознакомительное заседание завершилось поздно ночью праздничным концертом⁴⁰. На следующий день делегатов ждал зал, празднично украшенный красно-зелеными флагами и многочисленными лозунгами. На возвышенности размещались стол для президиума и трибуна для ораторов, стол для секретариата и стенографистов, а также отдельно места для прессы. Настроение у всех было приподнятое и возбужденное.

Съезд начал свою работу 1 мая в три часа дня с торжественного чтения Корана (по предложению М. Бигиева имам Ибрагим Урманов прочитал суру из Корана, посвятив ее памяти Шамси Асадуллаева) и приветственных речей от общественных организаций (более 35 выступлений). В течение 11 дней состоялось 10 заседаний. В президиум были избраны Ибр. Ахтямов, Г. Исхаки, А. Цаликов, Х. Досмухамедов, А.-М. Топчибашев, Ф. Карими, Уб. Ходжаев, Х.-Г. Габаши, И. Алкин, Дж. Сейдамед, С. Якубова и М. Бигиев. Кроме последних двух, все упомянутые члены президиума по 1-2 раза вели заседания, за исключением И. Алкина, вынужденного председательствовать четырежды (3-е, 8-е, 9-е и 10-е заседания). В целом, именно молодой И. Алкин стал «открытием» этого форума⁴¹. Можно сказать, что тогда он впервые дебютировал на общероссийском уровне и получил широкую известность в мусульманском сообществе. Секретарями съезда, по предложению бюро, единогласно

были определены М. Бигиев, Ш. Мухамедьяров и М. Гаджиев⁴². Немного позднее к ним добавились Г. Губайдуллин и М. Тюменев⁴³.

Предложенная бюро программа съезда состояла из 14 пунктов: о проверке полномочий делегатов съезда (пункт № 1)⁴⁴; о государственном устройстве России (№ 2); о культурно-национальной автономии (№ 3), включая такие проблемы, как создание временных органов национальной автономии, вопрос об общине (махалле) и о низовой судебной системе; об отношении мусульман к войне (№ 4); об участии мусульман в выборах в Учредительное собрание (№ 5); женский (№ 6); рабочий (№ 7); земельный (№ 8); окраинный вопрос (Кавказ, Туркестан и Казахстан) и об отношении к колонизаторской политике (№ 9); о создании мусульманских военных формирований (№ 10); о создании политических структур и партий (№ 11); предвыборная тактика [в период выборов в Учредительное собрание] (№ 12); о путях оказания помощи населению, пострадавшему в период военных действий (№ 13); выборы в общемусульманский совет «Милли Шура» (№ 14)⁴⁵.

При обсуждении наиболее важных вопросов – земельного, женского, о форме и целях национального движения в новых условиях – произошло разделение делегатов на ряд групп по территориальному («туркестанцы»), этническому (башкиры и казахи) или профессиональному (духовенство, военные, женщины и пр.) принципу. Очень часто «окраинные» делегаты настаивали на обсуждении своих проблем, даже не дожидаясь рассмотрения соответствующего пункта по программе. Например, делегаты от мусульман Семиречья (офицер Рафиков и З. Тахетдинов) говорили о бедственном положении казахского населения Семиречья уже на второй день работы съезда, при обсуждении программы и регламента⁴⁶. И такие «отклонения» от намеченного хода были нередко и чаще всего провоцировались окраинными делегатами, полагавшими недостаточным внимание большинства и организаторов к их местным проблемам.

Для рассмотрения отдельных дел были образованы следующие комиссии: редакторская (для составления и отправки телеграмм в разные места), по проверке делегатских мандатов, по сбору и анализу присланной корреспонденции, финансовая. При рассмотрении вопросов программы также были образованы соответствующие секции, куда можно было записываться по желанию. Наконец, было определено, что ежедневно будет по два заседания: утреннее с 10:00 до 14:00 и вечернее с 18:00 до 22:00; одно для общих, другое – для секционных заседаний⁴⁷. Однако в реальности ни указанное время, ни распорядок не соблюдались. Заседания нередко затягивались за полночь, а очередность секционных и общих заседаний мешалась вполне произвольно. В ходе заседаний довольно часто возникали конфликты, споры и даже беспорядки, которые одними наблюдателями были отнесены за счет плохой организации, а другими – ставились в вину реакционным настроениям части депутатов. Впрочем, даже политические оппоненты, отмечая недостатки в ходе заседаний, признавали большую значимость съезда в целом и важность его итоговых решений.

Интересно, что камнем преткновения и поводом для беспорядков неоднократно становился язык выступлений, особенно официальных докладчиков. Изначально было решено, что ряд докладов будет подготовлен на русском, а некоторые – на одном из тюркских языков. При изложении этих докладов следовало сделать их перевод на другой язык, с тем, чтобы донести содержание выступления до большинства делегатов. Поскольку большинство делегатов (не менее 2/3) составляли волгоуральские татары, то логичным казалось доминирование татарского языка. Однако на деле многие доклады читались на русском языке, что вызывало недовольство.

Иногда татарские делегаты протестовали против дополнительного прочтения русской версии доклада, а иные тюркоязычные делегаты – против дополнительного озвучивания татарской версии. Уже на 4-м заседании в президиум поступило обращение, что выступающие слишком часто используют русский язык и следует чаще пользоваться тюрко-татарским языком⁴⁸. Поэтому во второй половине работы съезда уже преобладали выступления на татарском языке. Наблюдался и очевидный поколенческий разрыв: молодые татары, особенно получавшие образование в русских учебных заведениях (И. Алкин, М. Тюменев, О. Токумбетов, Г. Дивишев и др.), предпочитали выступать на русском языке.

Содержательная работа съезда была начата 3 мая с представления доклада А. Цаликова «Об основах государственного устройства». Татарскую версию озвучил Г. Исхаки. После этого с докладами выступили аджарский делегат Лордакипанидзе и азербайджанский делегат М.-Э. Расул-Заде⁴⁹. Примечательно, что «официальным» и наиболее подготовленным – в плане структуры, статистических данных, аргументов и предложений – был доклад главы Исполнительного комитета А. Цаликова. Два последующих выступления были альтернативными и более эмоциональными. Но, по свидетельству корреспондентов различных изданий, речь М.-Э. Расул-Заде была произнесена настолько хорошо поставленным голосом, эмоционально-возвышенно и убедительно, что она серьезно повлияла на общие настроения. Затем в работе съезда был сделан перерыв, и вечернее заседание было объявлено секционным. А вопрос о государственном устройстве был передан для более детальной проработки специальной рабочей секцией. В ее заседаниях приняло участие более 700 делегатов, что фактически превратило работу секции в пленарное заседание. Не придя к компромиссу, секция постановила вынести на общее голосование съезда обе резолюции.

На 4-м заседании (4 мая) Г. Терегулов представил доклад комиссии по делам просвещения и культуры.⁵⁰ Изначально доклад был написан на русском языке, но поскольку делегаты съезда выразили недовольство недостаточным использованием тюркских языков, особенно при чтении доклада, докладчик решил начать с озвучивания татарской версии. В докладе был сделан акцент на призыв к объединению мусульманского народа не столько на религиозной, сколько на культурной, языковой и национальной почве, что отражало новый тренд в национальном движении, усилившийся в 1917 г.: переход от идеи общемусульманской солидарности к единству на этнической основе. Оппоненты усмотрели в этих словах выпады против ислама и непочтительные высказывания в адрес священного

А. Цаликов.

A. Tsalikov.

Корана (М. Бигиев). После этого в зале начались беспорядки. Также шум и споры разгорелись вокруг вопроса о том, следует ли зачитывать русский оригинал доклада. В итоге, члены президиума были вынуждены покинуть зал заседаний и провести небольшое совещание, постановив отложить прения и дать докладчику возможность озвучить и русский вариант.

Интересно, что корреспонденты газеты «Иль», освещавшие данное заседание (К. Сагитов и Ш. Алкин), занимая дружественную позицию, не стали акцентировать внимание на протестах против доклада или на выпадах персонально против Г. Терегулова⁵¹. Здесь мы наблюдаем очевидное расхождение с материалами полных протоколов съезда. В то же время, те же корреспонденты красочно расписали, как после завершения доклада А.-б. Цаликова по вопросу об отношении к войне⁵² оратора долго приветствовали аплодисментами, а затем на руках донесли до комнаты, где размещались журналисты⁵³. Судя по протоколам, блестяще сделанный доклад по вопросу о войне сумел сгладить впечатление от предыдущих беспорядков. Поэтому сначала был объявлен небольшой перерыв, а после него президиум поспешил завершить работу очередного дня заседаний, с тем, чтобы снизить напряжение и предотвратить разгоравшуюся опасную дискуссию⁵⁴.

На 5-м заседании (6 мая) было представлено три доклада, а также принято обращение о бедственной ситуации в Хиве, Коканде и в целом в Туркестане⁵⁵. Первый доклад «Племенное устройство российских мусульман» (докладчик А.-З. Валиди) был посвящен характеристике основных этнических групп в составе мусульман⁵⁶. Выступивший с русской и немного сокращенной версией доклада «О религиозной и культурной автономии российских мусульман»⁵⁷ С.-Г. Алкин⁵⁸ обосновал принципиальные положения культурно-национальной автономии. Помимо всего прочего докладчик отверг тезис о необходимости отделения религии от государства, поскольку ислам не столько религия, сколько основа общественной жизни, тесно связанная с политическим устройством. Поэтому, по мнению докладчика, следует ликвидировать прежние государственные структуры, а вместо прежнего Департамента создать Министерство по мусульманским делам. Имам К. Тарджемани озвучил основные положения доклада о переустройстве религиозных структур.

Одним из центральных стал вопрос о будущем национально-государственном устройстве России. Ожесточенные споры начались еще накануне, во время секционных заседаний (5 мая). Уже тогда образовались две противоборствующие группы, которые вели агитацию. По свидетельству очевидцев, споры шли по 8-9 часов и затянулись до пяти часов утра⁵⁹.

Ключевое 6-е заседание (7 мая) проходило под председательством А.-М.-бека Топчибашева и началось стрех выступлений: сначала А.-Х. Максуди сделал краткий обзор пришедших в адрес съезда 200 наказов; затем Г. Ваисов попытался «вклиниться», чтобы ознакомить делегатов с сутью своего движения, но был остановлен и выведен из зала,

*Входной билет делегата
А.-М. Топчибашева.*

*The admission ticket of the delegate
A. M. Topchibashev.*

как нарушающий порядок и мешающий работе съезда⁶⁰. Наконец, председатель соответствующей секции, Н. Хальфин, ознакомил делегатов с итогами ее заседания и обеими альтернативными резолюциями – унитаристской (А. Цаликова) и федералистской (М.-Э. Расул-Заде)⁶¹. После этого состоялись острые дебаты, в которых поочередно выступали сторонники обеих платформ.

Примечательно, что в паузе между выступлением Н. Хальфина и дебатами по основному вопросу с приветствием к делегатам мусульманского съезда от имени кадетской партии обратился князь Долгоруков. Его речь вызвала недовольство ряда делегатов, которые стали шуметь и требовать от президиума ответа, кто пригласил кадета. С пояснениями выступили А. Цаликов и Ф. Карими. Причем, в речи первого очевидно просматривалось стремление снять конфронтацию за счет ухода от использования конфронтационных слов (друг/враг). Ф. Карими попытался сгладить ситуацию, призвав избе-

А.-М. Топчибашев.

А.-М. Topchibashev.

гать таких выражений и вернуться к сути обсуждаемых проблем. Наконец, черту под этим эпизодом подвел председатель А.-М. Топчибашев, который еще раз напомнил о стремлении кадетов к овладению проливами, что никак не соответствует интересам мусульман. Этот небольшой по времени, локальный по сути, эпизод хорошо иллюстрирует нараставшие в стране антикадетские настроения.

В прения записалось значительное количество делегатов: сначала в список было включено 18 сторонников федерации и 14 унитаристов; к концу утреннего заседания выступило 9 человек, а количество желающих выросло до 39 человек. Заслушивание всех привело бы к многодневным заседаниям, поэтому было решено ограничить число выступающих с каждой из сторон. Тем не менее, всего в дебатах участвовало порядка 15-16 человек, причем каждый из выступавших подбирал различные аргументы в пользу своей позиции: кто-то говорил о национальном духе, кто-то – о мусульманском единстве, некоторые выступали с этнических, другие – с классовых позиций. Интересны аргументы некоторых противников федерации. По мнению мусульманок, разделение страны на автономные области затормозит процесс эмансипации мусульманской женщины (Ф. Кулахметова); по мнению «трудящихся» – будет вредно для мусульманских рабочих (Ибр. Хабилов, С. Мамлеев); раздробит и ослабит усилия мусульман в масштабе всей страны (Х. Баматов)⁶². Сторонники федерации (А.-М. Топчибашев, Ф. Туктаров, Ф. Карими и др.), как правило, указывали на права окраинных мусульман и верили, что в рамках автономных областей все дела перейдут в руки самих мусульман, что обеспечит более справедливое развитие этих окраин в будущем.

Результаты подсчетов показали преимущество федералистов (за – 446, против – 271) над унитаристами (за – 291, против – 422). Около 200 делегатов не смогли сделать выбор, не примкнув ни к одной из сторон. А возможно, некоторые делегаты не смогли проголосовать, поскольку не имели при себе делегатского билета или же покинули зал заседаний раньше конца дебатов. Так или иначе, дискуссия затянулась далеко за полночь, а голосование завершилось лишь в два ночи при небольшом скоплении публики⁶³.

В итоге, признав целесообразным принцип создания национальных территориальных автономий, съезд решил спор между федералистами и унитаристами в пользу первых. Резолюция о «государственном устройстве России» гласила: «Наиболее отвечающей интересам и правам мусульманских народов является народная республика, основанная на территориальных и национальных принципах (демократическая республика на национально-территориальных, федеративных началах). Народы, не имеющие своей территории, будут пользоваться национально-культурной автономией. Для упорядочения духовных и культурных проблем мусульманских народов России и для их объединения должен быть создан один единый центр с правами издавать законы по религиозным и культурным вопросам. Руководство, структура и задачи этой организации будут определены на первом учредительном съезде автономных мусульманских областей»⁶⁴.

Вопрос о будущем устройстве страны и отношении к нему мусульманской общественности был настолько важным и актуальным, что он стал центральным на съезде. Многочисленность профильной секции в день обсуждения этой проблемы – лишь одно из подтверждений. Вот, как Г. Исхаки описывал последующие заседания: «После того, как было принято решение о принципах государственного устройства, съезд как бы затих. На следующий день заседание проходило очень вяло. Докладчики устали. Молодежь отстранилась от дел. Доклад секции просвещения показался тусклым и затянутым»⁶⁵.

8 мая (7-е заседание) прошли дискуссии и голосование по вопросу о реформировании национальной системы просвещения. Само заседание продлилось с 12:00 до 19:30 с небольшими 10-минутными паузами. И почти все время было посвящено этой проблеме. Обсуждение резолюции, предложенной профильной секцией (докладчик – З. Кадыри⁶⁶), временами принимало бурные формы. По ходу обсуждения нарастала конфликтная атмосфера, периодически возникали беспорядки и споры, разгорался шум-гам, едва сдерживаемый председательствующим. Среди участвовавших в дебатах ораторов наиболее активными были люди, тесно связанные с системой образования: К. Тарджемани, Х.-Г. Габаша, З. Кадыри, Г. Исхаки и др. Да и по персональному составу выступающих в прениях тотально доминировали волго-уральские татары. В итоге с трудом удалось принять резолюцию, состоявшую из 24 пунктов и определявшую наиболее важные направления реформирования системы национального образования.

В ходе этого же заседания А.-М. Топчибашев выступил со срочным заявлением по ситуации на Кавказе, где беспорядки грозили перерасти в кровавые межнациональные столкновения. После эмоционального выступления кавказского оратора, оказавшего на аудиторию сильное и гнетущее впечатление, было решено на следующий день (9 мая) послать в столицу специальную делегацию с тем, чтобы донести до Временного правительства и Петросовета всю сложность ситуации. Помимо А.-М. Топчибашева (руководитель), в нее вошли полковник Хаджи-Мурад, М.-Э. Асадуллаев, Х. Ахундова, С. Мамлеев и С.-Г. Джантюрин⁶⁷.

На 8-м заседании (9 мая) обсуждались четыре вопроса: о религиозных структурах (докладчик – временный казый С. Урманов), об организации национальных воинских формирований (докладчики – полковник Галиев и Г. Мунасыпов, резолюция принята единогласно); о рабочем вопросе (докладчик – М. Гаджиев⁶⁸), о земельном вопросе (докладчик – Ш. Мухамедьяров). Примечательно, что доклад по «земельному» вопросу обсуждался на заседании секции несколько дней, а потому после выступления официального докладчика практически без обсуждения была принята предложенная резолюция. Впрочем, такое «быстрое» прохождение вопроса вызвало недовольство и протесты части делегатов, недовольных отсутствием полноценной дискуссии и невозможностью высказаться по такому злободневному вопросу⁶⁹. Поэтому немного позднее в президиум были внесены и озвучены «особые мнения» башкирских делегатов⁷⁰, обращение съезда во Временное правительство по поводу туркменских и ногайских земель⁷¹. При обсуждении этих двух проблем (земельного и рабочего) ясно обозначилась проблема: организаторы съезда, в лице членов бюро, полагали невозможным решить острые социальные проблемы силами одного национального съезда, а потому считали более уместным передать пожелания мусульман в ведущие общероссийские политические партии, с последующим обсуждением этих вопросов на Учредительном собрании⁷². Но большинство делегатов, особенно окраинных, не желали этого, настаивая на скорейшем принятии решений. Здесь мы видим ту же коллизию, которая наблюдалась между позицией Временного правительства и нетерпением, проявляемым населением страны.

На этом же заседании был рассмотрен вопрос о реформировании религиозных структур на новых принципах (подотчетность населению, выборность, самофинансирование, усиление новыми кадрами и пр.), о преобразовании Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в «Духовное управление мусульман внутренней России и Сибири» (ДУМ)⁷³. Также М.-Э. Расул-Заде зачитал резолюцию съезда о судьбе турецких военнопленных.

Наиболее дискуссионными стали решения съезда по т. н. женскому вопросу (9 мая, 8-е вечернее заседание). По женскому вопросу было прочитано три доклада: И. Туктарова познакомила делегатов с решениями съезда женщин-мусульманок, состоявшегося в Казани 24-27 апреля; представительница г. Уральска Ф. Кулахметова зачитала доклад и резолюцию женской секции. Наконец, М. Бигиев остановился на этом вопросе с точки зрения шариата⁷⁴. В основу дискуссии были положены резолюция секции по женскому вопросу и решения Казанского съезда мусульманок о предоставлении женщинам равных с мужчинами политических и гражданских прав, а также запрет многоженства. Помимо этого, съезд осудил практику ранних браков (выдачу замуж девочек 12-14 лет). Хотя при обсуждении женского вопроса записались сначала 22 выступающих, а потом список потенциальных ораторов вырос еще на 80 человек, в прениях в итоге выступили лишь полтора десятка делегатов. Нескольким ораторам зал не дал говорить, вынудив их сойти с трибуны, так и не высказавшись (имамы К. Айдаров, Н. Ишмиев, Г. Ходжаев и пр.). Почти все выступления мужчин (особенно имамов З. Енгальчева и Н. Тимушева) сопровождалось шумом-гамом, криками «долой». Резолюция по женскому вопросу (из 10 пунктов, включая самый спорный – о запрете многоженства)⁷⁵ была принята большинством голосов, очевидно, никакого консенсуса по этому вопросу в зале не было. По словам Г. Исхаки, во время обсуждения и голосования по тому вопросу наметилось объединение/разъединение депутатов по территориальному признаку: делегаты из Идель-Урала объединились с крымскими представителями и голосовали

за резолюцию, тогда как туркестанские и кавказские делегаты заняли более консервативную позицию и в основной своей массе были против⁷⁶.

Более того, сама роль женщин в работе этого съезда свидетельствовала о тотальном доминировании «мужского сообщества». На съезде присутствовало около 110-115 делегатов, избранных женскими организациями, но доля ораторов-женщин на съезде была минимальной, да и выступали в основном молодые девушки с опытом учебы в каком-либо светском вузе. В основном, женщины выступали в прениях по женскому вопросу. В президиуме символически присутствовала женщина (С. Якупова), но ей так и не доверили ведение заседания. Или же она сама отказалась, испугавшись недовольства или неспособности справиться с подавляющей, в своей массе консервативной, мужской аудиторией. Поэтому, в целом, роль женщин на московском съезде, как и на остальных мусульманских съездах 1917-1918 гг., оставалась по большей части декоративной. Поэтому едва ли стоит рисовать реальную ситуацию с эмансипацией мусульманского сообщества России в отношении роли и положения в обществе женщин-мусульманок такими розовыми красками, как это встречается в новейшей литературе по данному вопросу⁷⁷.

В итоге, большая часть делегатов-мулл, посчитавших решения съезда по женскому вопросу посягательством на религиозные основы существования «мусульманской нации», организовали протест имамов (озвучен 10 мая): «Гомум мөселман съездының 10 (8)-нче мәҗлесендә хатынлар мәсьәләсә каралган вакытта секция тарафындан куелган резолюциясендә: “хатынлар ирләр илә иҗтимагый вә сәси җәмийгә”⁷⁸ хокукда бертигез булсын, һәм тәҗәддедә зәүҗат⁷⁹ гадаләт⁸⁰ вә инсанияткә хилаф⁸¹ булдыгындан катгыян⁸² бетерелсен”, – дигән маддәләргә карар бирелгәндә без түбәндә имза кыйлган имамлар катгыян разый⁸³ булмадык, бәлки хилафына⁸⁴ тавыш бирдек. Бинаән галәйһи⁸⁵ бу ике мәсьәләдә мәсьүлиятне⁸⁶ өстемезгә алмыймыз. Без имамлар поправкасы игътибарга алынмаганлыктан мәҗлесне ташлап чыгарга хаклы булсак да съездның шәрәфенә⁸⁷ саклау хөрмәтенә бүйлә⁸⁸ протест кыйлмадык, безнең карар бүйлә иде: “Шәргән⁸⁹ чикләнгән хокуклардан башка һәрбер иҗтимагый вә сәси хокукда хатынлар ирләр илә бер тигез булсын” һәм “тәҗәддедә зәүҗат хакында сүә-истигъмалъ⁹⁰ бетерелсен”. Ошбу карарымызны гомум мөселман съездының президиум әгъзаларына гарыз⁹¹ кыйлып, гомуми мәҗлесдә нәүбәтдән⁹² тыш укылып, протоколга кертелүен таләб кыйламыз. 10 май 1917 сәнә Мәскәү»⁹³.

Чуть позднее к этому протесту присоединились еще пара протестов и группа туркестанских делегатов (численностью около 15 человек). Из почти 225 итоговых подписей только 50-55 принадлежали светским персонам (из них не менее 20 – солдатам), а остальные – духовным лицам. Зачитавший фамилии подписантов Г. Исхаки вызвал в зале смех своим заявлением, что многие имена написаны чрезвычайно небрежно и неграмотно, что не только невозможно их правильно прочитать, но даже не удастся сосчитать точное количество подписавших. В протоколах эти имена также были воспроизведены с большими пропусками. При этом составитель протоколов (К. Сагитов) не преминул указать на неграмотность многих имамов.

Очевидно, что делегаты, почувствовавшие в этом решении угрозу и наступление на свои «преимущества» права, тем более, как они полагали, дарованные им по шариату, пытались взять реванш. Таким реваншем было выступление с протестом большой группы имамов на данном съезде, а также жаркие споры, вновь разгоревшиеся вокруг этого вопроса на казанских летних съездах. Хотя «застрельщиком» антиженских эскапад и акций выступала консервативная часть мусульманского духовенства, они находили благодарную почву и многочисленных сторонников

в другой среде. Летом 1917 г. в татарской прессе публиковались многочисленные случаи, когда солдаты или просто консервативные люди избивали женщин, стремившихся принимать участие в общественных делах и высказавших пожелание пойти на выборы. В ряде изданий встречается информация, что делегаты из числа духовных лиц, присоединившиеся к общей резолюции по женскому вопросу и пропагандировавшие равноправие женщин, потом подвергались гонениям со стороны консервативных прихожан. Например, такому остракизму подвергли уральского имама Насретдина Хужяшева, когда разгневанные прихожане потребовали отстранить его от должности имама за такую «проженскую» и антиисламскую позицию⁹⁴.

В целом, мусульманское духовенство из всех профессионально-сословных групп показало себя не только самой многочисленной (более 300 делегатов были имамами) и консервативной, но и наиболее активной и сплоченной группой. 2 мая муллы сформировали Временное бюро мусульманского духовенства из 12 человек во главе с астраханским имамом Г. Гумеровым. На заседании от 12 мая бюро решило созвать в Казани не позднее 15 июля съезд мусульманского духовенства. С лета бюро располагалось в Казани, где размещалось Казанское мусульманское религиозное общество во главе с имамом С. Иманкуловым и была сосредоточена политическая активность мусульманского духовенства. Из ценного, осуществленного этим объединением, следует отметить составление и издание максимально полного списка имамов-делегатов Московского съезда с краткими биографическими сведениями.

10 мая (9-е заседание), помимо озвучивания ряда протестов (имамов – против решений по женскому вопросу, туркестанских делегатов – по женскому и земельному вопросам, затем одних туркестанцев – против других и пр.), рассматривался вопрос о выборах в Учредительное собрание (докладчик Г. Дивишев). Но главное внимание было сосредоточено на обсуждении национальных структур «Милли шуро» (докладчик Г. Исхаки). Во время прений по этому вопросу был поднят ряд смежных проблем: о тактике мусульман в политической борьбе, о перспективах возрождения мусульманской политической партии и пр. Хотя на этом заседании были сделаны попытки вновь вернуться к обсуждению рабочего и женского вопросов, дискуссия была свернута в силу позднего времени (прения и так затянулись далеко за полночь) и общей усталости. Также на следующий день был отложен вопрос о центральном «Милли шуро».

В последний день работы съезда (11 мая, 10-е заседание) прошло постатейное обсуждение резолюции о «Национальном совете», а также состоялись наиболее важные выборы: нового состава муфтиата и членов «Милли шуро». На должность муфтия было выдвинуто пять кандидатов – Г. Баруди (избран 292 голосами против 257)⁹⁵, Габдулла Буби, С. Максуди, М. Бигиев и Х.-Г. Габаши. Судьями (казыями) Духовного управления, на конкурентной основе из 13 кандидатов, было избрано шесть человек: С. Урманов (489 за, 90 против), Габдулла Сулейманов (423 – 166), К. Тарджеманов (354 – 213), Хаджелхаким Махмудов (364 – 219), Мухлиса Буби (307 – 280, первая в мусульманской истории женщина-казый) от тюрок-татар, а также Гумер Караши от казахов Букеевской орды (единогласно). Еще позднее планировалось доизбрать четверых судей от казахского населения.

Съезд также определил членов «Всероссийского мусульманского совета» как общероссийского центра, призванного координировать политическую активность мусульман (11 мая). К концу работы съезда многие окраинные делегаты уже разъехались, поэтому были избраны только 10 членов «Милли шуро» от тюрок-татар внутренней России: А. Цаликов и Г. Исхаки (Москва), Ф. Карими (Оренбург),

И. С. Алкин. 1914 г.

I. S. Alkin. 1914.

Ибр. Ахтямов⁹⁶ (Уфа), З. Шамил и М. Бигиев (Петроград), И. Алкин и С. Максуди (Казань), М. Тюменов (Петропавловск), Ш. Мухамедьяров (Орск). Также были избраны временные представители от т. н. окраинных мусульман (Крым, Туркестан и Степной край), с тем условием, что легитимность их избрания позднее будет подтверждена региональными съездами.

Под занавес съездом было принято весьма примечательное постановление о бойкоте тех лиц, которые при царском режиме проявили себя как провокаторы и черносотенцы⁹⁷. Авторы этого «порицания» призывали не верить в искренность их заверений, а также обвиняли этих персон в злонамеренности. Ш. Мухамедьяров зачитал список из 10 татар и башкир, среди которых самыми известными были бывший муфтий С. Баязитов, известные ишаны И. Динмухаметов (Ишми-ишан), Габидулла (Габидулла-ишан) и его сын Габдулхай Курбангалеевы,

оренбургский имам М.-Вали Хусаинов и редактор журнала «Дин вә мәғыйшәт» Г. Ханисламов. Обращение подписали 94 делегата, среди которых было много тех, кого принято относить к представителям т. н. «прогрессивной интеллигенции». Наконец, в заключение было принято решение провести 2-й Всероссийский мусульманский съезд в Казани не позднее середины лета 1917 г.

* * *

Московский съезд представляет собой чрезвычайно интересный феномен в общественной жизни мусульманских народов Российской империи. Очень часто в литературе ограничиваются перечислением основных решений съезда. Конечно, они были важны для своего времени. Но учитывая быструю смену настроений, событий и даже лиц, подчас с калейдоскопической быстротой, а также принимая во внимание тектонические перемены в судьбе страны, произошедшие осенью 1917 г., можно было бы не останавливаться на них подробно, поскольку очень скоро все эти решения превратились в политический реликт. Гораздо интереснее проследить, как развивались события и как проходили дискуссии на этом съезде. Поскольку московский съезд проходил в уникальной ситуации широкой свободы, отсутствия государственного контроля и цензуры, а материалы съезда были собраны в довольно полных и подробных протоколах, эти обстоятельства усиливают чистоту эксперимента и позволяют проследить его историю со всех сторон и «под лупой». Последующие аналогичные общественные мероприятия проходили в гораздо менее благоприятной ситуации и испытывали значительно большее давление неблагоприятных обстоятельств (нарастание экономических и финансовых

проблем, территориально-транспортную дезорганизацию, усиление сепаратистских тенденций, давление власти и пр.).

Московский съезд был довольно тщательно и хорошо подготовлен, имел широкую и продуманную программу, но организаторы не избежали ряда организационных и политических проблем. На нем не только читались доклады, проходили дебаты и принимались важные итоговые резолюции, но и случались первые серьезные столкновения интересов различных социальных и региональных групп, а также личных амбиций и устремлений. Более того, в ходе работы московского съезда нередко были конфликты, склоки, шум и беспорядки. Особенное напряжение вызвало обсуждение вопроса о государственном устройстве страны, а также женский вопрос. Немало проблем создало и обсуждение аграрного вопроса, в котором наиболее ярко проявились региональные противоречия и интересы. Даже выбор языка общения показал наличие определенных проблем коммуникации внутри «мусульманского сообщества». Также работа съезда, помещенная в более широкий контекст, показывает очевидную перемену настроений и приоритетов, а также смену политических элит. Все это в совокупности, однако, позволяет составить представление о мозаичном и сложном мусульманском сообществе России весной 1917 г. Именно этим интересен Первый всероссийский мусульманский съезд свободной России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Давлетишин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Лондон, 1974. – 392 с.; *Devlet Nadir*. Rusya türklerinin milli mücadele tarihi (1905-1917). – Ankara, 1985. – 350 s. *Дәүләт Надир*. Русия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905-1917). – Казан, 1998; *Daulet Sh.* The First All Muslim Congress of Russia. Moscow, 1-11 May 1917 // *Central Asian Survey*. – 1989. – Vol. 8. – № 1. – P. 21-47.
2. Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июнь 1917 г.). – Казань, 1977; Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. – Уфа, 1984; Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995; Всероссийские съезды мусульман // Татарская энциклопедия. Том 1. А-В. – Казань, 2002. – С. 642-644; Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – С. 168-181; Тагиров И. Р. История государственности Татарстана. XX век. – Казань, 2005; История татар с древнейших времен в семи томах. Том VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013.
3. Обсуждению вопроса о государственном устройстве страны посвящены следующие работы: Усманова Д. М. Вопросы национально-государственного самоопределения на страницах татарской периодической печати. 1917 – апрель 1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1994. – С. 59-78; Мухаметдинов Р. Борьба между унитаристами и федералистами на мусульманских съездах 1917 года в свете тюркской идеи / Садри Максуди: наследие и современность. – Казань, 1999. – С. 66-78.
4. «Женскому вопросу» посвящены следующие публикации: Фаизов С. Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005; Шарафеева А. Р. Женщины и женский вопрос на мусульманских съездах 1917 года // Тюркологические исследования. – 2020. – № 3 (2). – С. 43-64.
5. Бөтен Русия мөселманнарынң 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездынң протоколлары (далее Протоколы...). – Пг., 1917. – С. 63-69.
6. Шунда ук. – Б. 469-470.

7. Исхакый Г. Беренче мөселман корылтаының 20 еллыгы // Яңа милли юл. – 1937. – № 5. – С. 1.
8. Единственным исключением является перевод «Протоколов» на турецкий язык, сделанный Ихсаном Илгаром (см.: *Ilgar Ihsan. Rusya'da birinci Müslüman Kongresi*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1990. – 518 s.), что, впрочем, не сильно увеличило читательскую аудиторию. Нереализованными остались проекты по переводу «Протоколов» на русский и английский языки. Только в статье Шафиги Даулет есть англоязычные выдержки из «Протоколов» (см.: Daulet Sh. The First All Muslim Congress of Russia. Moscow, 1-11 May 1917 // *Central Asian Survey*. – 1989. – Vol. 8. – № 1. – P. 21-47).
9. Протоколы... – С. 178-179, 314, 358 и др.
10. Протоколы... – С. 264-268.
11. Протоколы... – С. 373.
12. Известно лишь, что А. Цаликов опубликовал тексты двух своих докладов, сделанных на московском съезде, в виде отдельного сборника (см.: *Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речи, произнесенные на Всероссийском Мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 г.* – Пг., 1917. – 32 с.).
13. 1917 ел 1-11 майда Мәскәү шәһәрәндә гомуми Русия мөселман съезды хақында кыскача мәғлүмат. – Казань, 1917; Резолюции Всероссийского Мусульманского съезда, состоявшегося в Москве 1-11 мая 1917 г. – Пг., 1917. – 32 с. Русская версия итоговых решений съезда, а также ряд газетных материалов переизданы в новейшее время: 100-летие образования Татарской АССР: Сборник документов и материалов: в 3 т. / Авт.-сост. З. С. Миннуллин. – Казань, 2017. – Т. 1.
14. Как отмечали очевидцы, газета «Алаш» была представлена единственным корреспондентом-женщиной (см.: Аваз. – 1917. – 13 мая. – № 6).
15. Ирек. – 1917. – 25 мая. – № 16.
16. Кояш. – 1917. – 23 мая. – № 1122.
17. Гаяз. Съезддан соң // Иль. – 1917. – Май-июнь. – № 23-29.
18. Безнең тавыш. – 1917. – 29 мая. – № 1.
19. Кадыйри З. Корылтайда // Тормыш. – 1917. – № 654, 656, 657.
20. Ирек. – 1917. – 18 мая. – № 14.
21. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – С. 180.
22. Материалы этого русскоязычного издания, как и заметки газеты «Утро России», выступают основным источником в упомянутой работе С. Исхакова.
23. Исхакый Г. Беренче мөселман корылтаының 20 еллыгы // Яңа милли юл. – 1937. – № 5-6.
24. Валиди-Тоган З. Воспоминания. Том 1. – Уфа, 1994. Впервые воспоминания были опубликованы на турецком языке в 1968 г.
25. *Seydahmet C. Bazi hatiralar*. – Istanbul, 1993. – 328 s.
26. Тормыш. – 1917. – 21 марта. – № 614.
27. Одним из «барометров», пригодных для определения этих настроений, являются приветственные телеграммы, посланные мусульманским населением в адрес новых властей. Подробнее см.: Усманова Д. М. Февраль 1917-го в телеграммах от мусульманского населения России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. – СПб., 2017. – Ч. 2. – С. 133-143.
28. Иль. – 1917. – 30 апреля. – № 15.

29. Вопреки утверждениям в советской историографии о наличии в составе делегатов «трудящейся» фракции численностью более 200 человек (см.: *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июнь 1917 г.). – Казань, 1977. – С. 228-229.
30. ИЛЬ. – 1917. – 30 апреля. – № 15; 2 мая. – № 16; 4 мая. – № 17.
31. *Гаяз. Съезд тәмам булды* // ИЛЬ. – 1917. – 16 мая. – № 22. В своей статье, опубликованной через 20 лет, Г. Исхаки уже утверждал, что вместо ожидаемых 450 делегатов прибыло 970 человек (см.: *Исхакий Г.* Беренче мөселман корылтайның 20 еллыгы // Яңа милли юл. – 1937. – № 5. – С. 1). Также по словам Г. Исхаки, среди делегатов съезда, помимо традиционных Туркестана, Кавказа, Крыма и Идель-Урала, были представители далекого Восточного Туркестана.
32. Среди недостатков исторической литературы о московском съезде существенным является отсутствие анализа состава его участников, например, по признакам профессионально-групповой или этно-территориальной принадлежности, а также зависимости занимаемой позиции от этого фактора.
33. Г. Баруди, как влиятельный и авторитетный богослов, отправился в конце апреля в Туркестан с тем, чтобы попытаться объяснить мусульманскому духовенству важность участия в выборах мусульманских женщин для будущего нации. Впрочем, несмотря на личное отсутствие, авторитетный казанским имам был заочно избран на должность муфтия.
34. *Кадетлар, Садри Максуди вә Мәскәү мөселманлары* // ИЛЬ. – 1917. – 30 марта. – № 4.
35. *Тормыш*. – 1917. – 9 апреля. – № 624.
36. Там же. – 4 мая. – № 642.
37. ИЛЬ. – 1917. – 30 марта. – № 4. Впрочем, в той же газете есть указание на то, что на одном из предсъездовских заседаний С. Максуди подвергся резкой критике за то, что скрыл от членов Бюро свое назначение в состав комиссии, направляемой Временным правительством в Туркестан (см.: ИЛЬ. – 1917. – 12 апреля. – № 8).
38. О притязаниях С. Максуди на должность муфтия см.: *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в Российском парламенте. – Казань, 2005. – С. 399-403.
39. *Гаффарова Ф. Ю.* Садри Максуди (1906-1924 еллар). – Казань, 2001. – С. 114-115.
40. ИЛЬ. – 1917. – 2 мая. – № 16.
41. Подробнее об И. Алкине см.: *Илиас Алкин* – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. – Казань, 2002. – 352 с.
42. *Протоколы...* – С. 81.
43. Там же. – С. 122, 357.
44. При принятии программы, по предложению ряда делегатов, этот пункт был снят.
45. *Протоколы...* – С. 58-59.
46. Там же. – С. 74-78.
47. ИЛЬ. – 1917. – 4 мая. – № 17. Регламент работы съезда был озвучен 2 мая (см.: *Протоколы...* – С. 55-57).
48. ИЛЬ. – 1917. – 7 мая. – № 19.
49. *Протоколы...* – С. 84-121.
50. Там же. – С. 124-133.
51. ИЛЬ. – 1917. – 7 мая. – № 19.
52. *Протоколы...* – С. 135-153.
53. ИЛЬ. – 1917. – 7 мая. – № 19.
54. *Протоколы...* – С. 153.
55. Там же. – С. 174-176.

56. Примечательно, что помещенный в «Протоколах» текст доклада (с. 154-159) не являлся стенограммой подлинного выступления оратора, а был передан А.-З. Валиди позднее, при подготовке протоколов к печати. Также выступление К. Тарджемани было опубликовано в авторской версии (с. 166-173).
57. Протоколы... – С. 160-166.
58. С этим докладом, вместо отсутствовавшего С. Максуди, выступил именно Саид-Гирей Алкин, а не его сын Ильяс, как ошибочно указано в ряде работ.
59. Иль. – 1917. – 10 мая. – № 20.
60. Протоколы... – С. 178-179.
61. Там же. – С. 180-184.
62. Там же. – С. 201-212.
63. Ирек. – 25 мая 1917. – № 16.
64. Протоколы... – С. 250-251.
65. Иль. – 1917. – 10 мая. – № 20.
66. В протоколах был воспроизведен вариант выступления З. Кадыри, ранее опубликованный в газете «Тормыш». Принятая съездом итоговая резолюция была воспроизведена полностью в конце текста, посвященного 7 дню заседания (см.: Протоколы... – С. 298-300).
67. Протоколы... – С. 280-286, 290-291; Иль. – 1917. – 13 мая. – № 21.
68. Выступление М. Гаджиева отсутствует в протоколах, так как стенографисты его не зафиксировали, а докладчик позднее не предоставил текст своего выступления.
69. Протоколы... – С. 319.
70. Текст заявления с «особым мнением» башкирских делегатов с 22 подписями см.: Протоколы... – С. 324-326. Руководителем «башкирской комиссии» выступил С. Мрясов, среди подписантов есть и М.-Габдулхай Курбангалиев.
71. Протоколы... – С. 323-324.
72. Из выступления Г. Терегулова (см.: Протоколы... – С. 317-319).
73. Усманова Д. М. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 – начале 1918 гг. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2 (№ 37). – С. 434-462.
74. Тексты двух первых выступлений см.: Протоколы... – С. 333-340. Выступление М. Бигиева было дано в очень кратком изложении, поскольку оратор заявил, что в скором времени эта речь будет издана в виде отдельной книги, а потом не передал свой текст для публикации в протоколах.
75. Протоколы... – С. 361-362.
76. См.: Исхакий Г. Беренче Мөселман корылтаеның 20 еллыгы // Яңа милли юл. – 1937. – № 6. – С. 1-3.
77. Шарфеева А. Р. Женщины и женский вопрос на мусульманских съездах 1917 года // Тюркологические исследования. – 2020. – № 3(2). – С. 43-64.
78. Жәмигъ – бөтен, барлык, һәммә – весь, совокупный.
79. Тәгаддеде зәүжәт – берничә хатынлы булу, күп хатын алу – многоженство.
80. Гадаләт – турылык, гаделлек – справедливость.
81. Хилаф – каршы, ярамаган эш, тискәре – противоречие, разногласие, расхождение, конфликт.
82. Катгыян – тәмам, кырт кисеп – окончательно.
83. Разый – риза булучы, ризалык күрсәтүче – согласный, удовлетворенный.

84. Хилафына – каршыга, киресенә – против.
85. Бинаэн галэйһи – шунарга нигезләнәп, таянып – основываясь на этом, опираясь на (что-либо).
86. Мәсьүлиять – җаваплылык – ответственность.
87. Шәрәф – кадер, хөрмәт – честь, слава.
88. Бүйлә – мондый, моның шикелле – подобный.
89. Шәрган – шәригать буенча, шәригать карашы буенча – по шарияту, согласно шарияту.
90. Сүз-истигъмалъ – явызларча файдалану – злоупотребление, применение.
91. Гарыз – тәкъдим итү – предложение, предложение.
92. Нәүбәт – чират – очередь.
93. Протоколы... – С. 373-387.
94. Мөхбир. – 1917. – 5 июля. – № 10.
95. Юсупов М. Х. Галимджан Баруди. – Казань, 2003. – С. 67.
96. Вскоре после этой новости Ибрагим Ахтямов, покинувший московский съезд раньше времени, прислал в центральное «Милли шуро» телеграмму следующего содержания: «Покидая московский съезд я объявил, что в дальнейшем не смогу принять участие в его работе. Поэтому я не могу принять избрание меня в члены Милли шуро и не смогу работать в этой организации» (см.: 1917. – Ирек. – 8 июня. – № 20. Мы не знаем до конца мотивов этого отказа, среди них могли быть личные причины, нежелание заниматься национальными делами, несогласие с общей платформой «Милли шуро» (Ибр. Ахтямов был лидером уфимских социалистов), а также профессиональные обязанности (адвокатура), не позволявшие переключаться на общественные нужды. Так или иначе, отказ Ибр. Ахтямова был не единственным кадровым изменением решений московского съезда.
97. Протоколы... – С. 455-457.

Список литературы

Бөтен Русия мөселманнарынң 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездынң протоколлары. – Пг., 1917. – 474 с.

Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Лондон, 1974. – 392 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Том VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013. – 1008 с.

Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – 598 с.

Исхакый Г. Беренче Мөселман корылтаеның 20 еллыгы // Яңа милли юл. – 1937. – № 5. – С. 1-5; № 6. – С. 1-5.

Усманова Д. М. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрания и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 – начале 1918 гг. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2 (№ 37). – С. 434-462.

Фаизов С. Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород, 2005. – 127 с.

Шарафеева А. Р. Женщины и женский вопрос на мусульманских съездах 1917 года // Тюркологические исследования. – 2020. – № 3 (2). – С. 43-64.

References

Boten Rusiya moselmanlarnyn 1917-nche elda 1-11 mayda Meskeyde bulgan gomumi syezdnyn protokollary [The minutes of the First All-Russian Muslim Congress. Moscow, May 1-11, 1917.]. Petrograd, 1917, 474 p.

Daulet Shafiga. The First All-Russian Muslim Congress. Moscow, 1-11 May 1917. IN: Central Asian Survey, 1989, vol. 8, no. 1, pp. 21-47.

Davletshin T. *Sovetskiy Tatarstan: teoriya i praktika leninskoy natsionalnoy politiki* [Soviet Tatarstan: theory and practice of Lenin's national policy]. London, 1974, 392 p.

Faizov S. F. *Dvizheniye musulmanok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii* [Movement of Muslim women in Russia for their rights in 1917: chapters of history]. Nizhniy Novgorod, 2005, 127 p.

Ilgar Ihsan. *Rusya'da birinci Müslüman Kongresi* [The First Muslim Congress in Russia]. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları publ., 1990, 518 p.

Ishaky A. *Berenche Moselman koryltayenyn 20 ellygy* [The 20th anniversary of the First Muslim Congress]. IN: *Yana milli yul* [New national path], 1937, no. 5, pp. 1-5; no. 6, pp. 1-5.

Iskhakov S. M. *Rossiyskiye musulmane i revolyutsiya (vesna 1917 – leto 1918 gg.)* [Russian Muslims and the revolution (spring 1917 – summer 1918)]. Moscow, 2004, 598 p.

Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomah. Tom VII. Tatory i Tatarstan v XX – nachale XXI veka [The Tatar history from the earliest times in seven volumes. Vol. 7. Tatars and Tatarstan in the 20th – early 21st century]. Kazan, 2013, 1008 p.

Sharafeyeva A. R. *Zhenshchiny i zhenskiy vopros na musulmanskih syezdah 1917 goda* [Women and women's question at the Muslim congresses of 1917]. IN: *Tyurkologicheskiye issledovaniya* [Turkological studies], 2020, no. 3 (2), pp. 43-64.

Usmanova D. M. *Transformatsiya islamskih institutov v revolyutsionnoy Rossii: Orenburgskoye magometanskoye duhovnoye sobraniye i musulmanskiye duhovenstvo Volgo-Uralskogo regiona v 1917 – nachale 1918 gg.* [The Orenburg Muslim Spiritual Assembly and the Muslim clergy of the Volga-Ural region: the transformation of Islamic religious institutions in revolutionary Russia (1917 – early 1918)]. IN: *Gosudarstvo, religiya i tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide], 2019, no. 1-2 (№ 37), pp. 434-462.

Фото предоставлены автором статьи.

The photos are submitted by the author of the article.

Сведения об авторе

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

About the author

Dilyara M. Usmanova, Doctor of Historical Sciences, Professor at Kazan Federal University, e-mail: dusmanova2000@mail.ru

В редакцию статья поступила 08.04.2021, опубликована:

Усманова Д. М. Первый Всероссийский мусульманский съезд 1917 г.: взгляд через столетие // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 3. – С. 24-50.

Submitted on 08.04.2021, published:

Usmanova D. M. *Pervyy Vserossiyskiy musul'manskij syezd 1917 g.: vzglyad cherez stoletie* [The First All-Russian Muslim Congress of 1917: a view through the century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2021, no. 3, pp. 24-50.